

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 53–61.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 4 (85):53–61.

Научная статья
УДК 94(44).026
DOI 10.37724/RSU.2024.85.4.006

Откуда все-таки взялся дьявол? (К вопросу об источниках «Хроники монаха из Сен-Дени»)

Олег Игоревич Нуждин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
o.i.nuzhdin@urfu.ru

Аннотация. Изучение причин кризиса Французского государства в первой четверти XV века остается одним из приоритетных направлений в отечественной и зарубежной медиевистике. Исследователи обращаются к новым сюжетам, которые позволяют переосмыслить ранее сделанные выводы, скорректировать давно сложившиеся представления о событиях. Примером такого сюжета является история признания герцога Бургундии Жана Бесстрашного своей вины в убийстве брата короля Франции Карла VI — Людовика Орлеанского 23 ноября 1407 года. К числу основных документов по этому вопросу принадлежит «Хроника монаха из Сен-Дени». Данная статья посвящена поиску источника, на основании которого автор «Хроники», Мишель Пинтуэн, описал признание, и определению степени достоверности источника ввиду того, что в дальнейшем сам Жан Бесстрашный отрицал причастность к убийству. Делается вывод, что единственными свидетелями признания были герцоги Людовик Анжуйский и Жан Беррийский, но ни один из них не может считаться информатором Пинтуэна, а сам он не был непосредственным свидетелем. Установлено, что «Хроника» создавалась после 1410 года, и в качестве источника для описания признания Мишель Пинтуэн использовал письмо от 14 июля 1411 года, составленное сыновьями убитого Людовика Орлеанского и основанное на рассказе Жана Беррийского, единственного оставшегося к тому времени в живых свидетеля.

Ключевые слова: Мишель Пинтуэн, герцог Людовик Орлеанский, герцог Жан Беррийский, преступность в Средние века, колдовство, магия.

Для цитирования: Нуждин О. И. Откуда все-таки взялся дьявол? (К вопросу об источниках «Хроники монаха из Сен-Дени») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 53–61. DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.006.

Original article

Where did the devil come from after all? (about the sources of *The Chronicle of the Monk of Saint-Denys*)

Oleg I. Nuzhdin

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
o.i.nuzhdin@urfu.ru

Abstract. The study of the causes of the crisis of the French state in the first quarter of the 15th century remains a major area of medieval studies in Russia and abroad. Researchers turn to new stories, which allow them to reconsider earlier conclusions, to correct long-established ideas about the events. An example of such a plot is the story of the Duke of Burgundy Jean the Fearless confessing his guilt in the murder of the brother of King Charles VI of France, Louis of Orleans on November 23, 1407. *The Chronicle of the Monk of Saint-Denys* is one of the main documents addressing this issue. This article is devoted to finding the source on the basis of

which the author of the *Chronicle*, Michel Pintoin, described the confession, and determining the degree of reliability of the source in view of the fact that later Jean the Fearless himself denied his involvement in the murder. It is concluded that the only witnesses to the confession were the Dukes Louis of Anjou and Jean of Berry, but neither of them can be considered Pintoin's informant, and he himself was not a direct witness. It has been established that the *Chronicle* was written after 1410, and that Michel Pintoin used as his source for the confession a letter dated July 14, 1411, written by the sons of the murdered Louis of Orléans and based on the account of John, Duke of Berry, the only surviving witness.

Keywords: Michel Pintoin, Duke Louis of Orleans, Duke John of Berry, crime in the Middle Ages, witchcraft, magic.

For citation: Nuzhdin O. I. Where did the devil come from after all? (about the sources of *The Chronicle of the Monk of Saint-Denys*). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 4 (85):53–61. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.006.

Введение

«Хроника» кантора аббатства Сен-Дени Мишеля Пинтуэна заслуженно считается одним из авторитетных источников, повествующих о важном периоде в истории Франции — о времени конца XIV — начала XV века. Особое место автор уделил описанию событий конца ноября 1407 года, относящихся к убийству и погребению брата короля Карла VI герцога Людовика Орлеанского и последовавших за ними. В «Хронике» обстоятельствам смерти и похоронам герцога отведено больше места, чем кончине иных высокопоставленных особ в 1404–1407 годах (см.: [Hutchison, 2016, p. 431]). Сам хронист именовал преступление «ужасным убийством, не имеющим примера в истории» («effroyable attentat, qui est sans exemple dans l'histoire») (здесь и далее пер. наш. — О. Н.) [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1841, p. 737].

Такое внимание М. Пинтуэна к обстоятельствам смерти Людовика Орлеанского неслучайно. Многие современники восприняли гибель герцога как отправную точку трагических для Франции событий, которые предопределили подписание договора в Труа в мае 1420 года. Так, хронист Персеваль де Каньи считал, что эта «смерть была причиной всех войн и бед, которые пришли с тех пор в это королевство» [Chroniques de Perceval de Cagny, 1902, p. 41]. Той же точки зрения придерживался президент парламента Анри де Мари, который отнес убийство Людовика Орлеанского к событиям, вызвавшим внутреннюю войну во Франции (см.: [Choix de pièces inédites relatives ... , 1863, p. 355]). Связь между насильственной кончиной герцога и кризисным положением страны была очевидна еще одному хронисту, Гийому Груэлю, — нормандцу и, следовательно, стороннему наблюдателю (см.: [Gruel, 1890, p. 7]). Лоран Пиньон, духовник герцога Филиппа Доброго, истоки гражданской войны видел в увлечении королевского двора и дворов принцев магией и прорицаниями (см.: [Veenestra, 1998, p. 43]).

Основная часть

Установлено, что первый, черновой вариант своей хроники М. Пинтуэн составил к 1410–1411 году. Ее текст формировался из разных кусков, изначально не имевших хронологической последовательности. У автора ушло много времени, чтобы сложить из них стройное описание (см.: [Guenée, 1994, pp. 390, 391]). Сам хронист был человеком весьма осведомленным, стремившимся к максимально возможной объективности повествования (см.: [Орленко, 2007, с. 82 ; Guenée, 1994, p. 375]), для чего привлекал большое количество документов. И если для описания ранних событий правления короля Карла VI их доля составляла 9 % текста, то для позднего периода она достигает 25 % и более (см.: [Guenée, 1994, p. 378]). Не будет преувеличением сказать, что «Хроника» М. Пинтуэна представляет собой хорошо задокументированную историю своего времени.

К сожалению, автор не был непосредственным свидетелем всех событий, а свое сочинение стал писать существенно позже многих очевидцев, и обстоятельства произошедшего ему пришлось восстанавливать «задним числом». В чем-то он опирался на свою память или документы, в чем-то ему требовались свидетельства более осведомленных лиц. На страницах хроники

М. Пинтуэн не раз указывал, что основывался на рассказах людей, сведущих в тайных делах, которым можно доверять. К их числу принадлежали люди «опытные и знающие» (« d'expérience et de savoir »), «некоторые осведомленные лица при дворе», люди «знающие и опытные» (« de savoir et d'expérience »), члены Королевского совета, а также те, чьи должности обеспечивали им доступ к секретам (см.: [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1844, pp. 5, 33, 35, 435, 625, 327, 701]). Хронист никогда не называл своих информаторов по имени, поэтому приходится догадываться, от кого именно он получил те или иные сведения. Это в равной степени относится к фактам, касавшимся обстоятельств убийства 23 ноября и заседания Королевского совета 25 ноября 1407 года, на котором герцог Бургундии Жан Бесстрашный якобы сделал свое признание. Слова герцога стали основанием для всех последующих обвинений в его адрес в соучастии в покушении на жизнь брата короля. Достоверность изложенных фактов, которые привели к обвинениям против Жана Бесстрашного, целиком базируется на словах очевидцев этого признания.

Одним из возможных свидетелей заседания Королевского совета мог быть секретарь Карла VI Жан де Монтрей. Известно, что М. Пинтуэн поддерживал с ним хорошие отношения (см.: [Grévy-Pons, Ornato, 1976, pp. 99, 101–102]). Тот, в частности, передал кантору аббатства одно из писем, составленных им от имени короля в июле 1407 года (см.: [Guenée, 1994, p. 383, 384]). Однако Ж. де Монтрей не был тем источником, от которого М. Пинтуэн узнал о словах герцога Бургундии, по следующей причине.

Как следует из текста «Хроники», свое признание Жан Бесстрашный совершил в присутствии двух людей — герцога Анжуйского Людовика и герцога Беррийского Жана. «Тогда герцог Бургундский, сознавая свое преступление, не желая, чтобы наказание пало на невиновных, и побуждаемый запоздалым раскаянием, встал, отвел в сторону короля Сицилии Людовика и герцога Беррийского и сознался им со всей откровенностью, что он был автором этого ужасного покушения, что он совершил его чужими руками по наущению дьявола [« à l'instigation du diable »]. Это признание заставило их вздрогнуть и содрогнуться от ужаса» [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, p. 741].

Младший современник М. Пинтуэна, Ангерран де Монстреле, представил данное событие так: Жан Бесстрашный «растерялся и испугался, и поэтому он отвел в сторону короля Людовика и герцога Беррийского, своего дядю, и вкратце признался перед ними и сказал, что посредством услуг дьявола [« par l'introduction du dyable »] он заставил Рауле д'Актонвиля и его сообщников совершить это убийство» [Monstrelet, 1857, p. 162]. Следовательно, иных свидетелей, кроме вышеупомянутых герцогов, не было, и только они знали, что в действительности сказал Жан Бесстрашный.

Важно отметить, что оба хрониста принадлежали к разным политическим лагерям. М. Пинтуэна можно считать приверженцем Карла VI и сильной королевской власти (см.: [Орленко, 2007, с. 82]), а Ангеррана де Монстреле — сторонником бургундской (см.: [Там же, с. 83 ; Molinier, 1901, p. 193 ; Barner, 1989, S. 55] или люксембургской партии (см.: [Doutrepont, 1909, p. 435])). Но при описании событий 25 ноября 1407 года, произошедших на заседании Королевского совета, оба хрониста руководствовались не своими политическими пристрастиями. И М. Пинтуэн, и А. де Монстреле настаивали, что признание было, а его свидетелями стали герцоги Людовик Анжуйский и Жан Беррийский. Примечательно, что хронисты при объяснении проступка герцога Бургундии ссылались на содействие дьявола.

Сходство рассказов предполагает существование какого-то общего источника. Выяснение, откуда именно хронисты почерпнули свою информацию, представляется важным для понимания смысла признания Жана Бесстрашного. М. Пинтуэн и А. де Монстреле сходятся в том, что единственными известными свидетелями слов, сказанных Жаном Бесстрашным относительно своей причастности к убийству Людовика Орлеанского, были герцоги Людовик Анжуйский и Жан Беррийский. Но их трудно представить в качестве информаторов М. Пинтуэна и тем более А. де Монстреле (см.: [Molinier, pp. 192–193]), прежде всего в силу разницы в социальном положении. Следовательно, существовал какой-то иной источник, на котором хронисты основывали свои заключения.

Первым, кто публично заявил о признании Жана Бесстрашного, стал аббат Сен-Фиакра Тома де Серизи. Рассказ об этом стал одним из сюжетов пространной обвинительной речи, произнесенной аббатом перед членами Королевского совета 11 сентября 1408 года. Известно, что

речь существовала в письменном виде, и М. Пинтуэн использовал ее при составлении «Хроники», впрочем, по словам автора, не полностью, а только для передачи самой ее сути (см.: [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, p. 93]).

Речь аббата Т. де Серизи в пересказе М. Пинтуэна акцентировала внимание на фактах, которые позволяли усугубить обвинения против герцога Бургундии. Священник утверждал, что вскоре после похорон Людовика Орлеанского Жан Бесстрашный в присутствии герцогов Людовика Анжуйского и Жана Беррийского признался, что совершил убийство, но не лично, а «чужими руками» (« avait commis le crime par des mains étrangères »). На преступление его подтолкнул не кто иной, как сам дьявол (« que le diable l'y avait poussée »). Именно эти слова аббат де Серизи расценил как признание в совершении преступления (« a confessé le crime ») [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, p. 113]. Искушение дьявола заключалось в обещании, данном Жану Бесстрашному и его сообщникам: как только Людовик Орлеанский умрет, они станут могущественными, словно боги, и будут править всем в королевстве, как им заблагорассудится (« Le diable lui avait persuadé, à lui et à ses complices, qu'une fois le duc mort, ils seraient puissants comme des dieux et régleraient tout à leur gré dans le royaume ») [Ibid., p. 125].

В отличие от М. Пинтуэна А. де Монстреле изложил речь аббата Т. де Серизи полностью и без купюр. По этой, полной версии Жан Бесстрашный обратился за советом к герцогам Анжуйскому и Беррийскому, предположительно снedaемый мыслями о «своем грехе» (« son péché »). Герцог считал себя человеком, который совершил злодеяние (« se maléfice ») в отношении Людовика Орлеанского по наущению дьявола (« par l'ennortement du dyable ») [Monstrelet, 1957, pp. 308–309]. Эти слова Жан Бесстрашный произнес в присутствии герцогов Анжуйского и Беррийского, и они, по мнению аббата, стали его «первым признанием» (« la première confession »), за которым последовало второе, озвученное Жаном Пти. И если в первом случае сам герцог Бургундский сослался на влияние дьявола, то во втором он уже передумал и объяснил преступление благими побуждениями (« qu'il avoit bien fait et à bon droit ») [Ibid., p. 309].

Оба варианта речи Т. де Серизи — М. Пинтуэна и А. де Монстреле — существенно отличаются друг от друга в части терминологии, характеризующей действия Жана Бесстрашного. Так, автор «Хроники монаха из Сен-Дени» использовал следующие слова и выражения: «прискорбные и ужасные обстоятельства убийства» (« des circonstances déplorables et cruelles de l'assassinat »), «ужасное человекоубийство» (« cruel homicide »), «отвратительное и ужасное нападение» (« exécrable et horrible attentat »), «самое отвратительное из нападений» (« le plus exécrable des attentats »), «убийство» (« assassinat »), «ужасное убийство» (« le cruel assassinat »), «преступление» (« crime »), «проклятое человекоубийство» (« damnable homicide ») [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, pp. 99, 101, 103, 107, 109, 111, 113, 129].

Поскольку перед нами не буквальное следование оригиналу речи, а только ее пересказ, то можно утверждать, что данные выражения принадлежат самому М. Пинтуэну, но не аббату Т. де Серизи, и соответствуют уровню осмысления хронистом излагаемых событий. М. Пинтуэн использовал их, поскольку к 1411 году, когда он приступил к написанию своего сочинения, представление о причастности Жана Бесстрашного к преступлению уже прочно укрепились в общественном мнении.

Но ко времени составления Т. де Серизи своей речи сторона обвинения еще не была уверена в том, каким именно образом Жан Бесстрашный причастен к преступлению. Полный вариант речи аббата, приведенный в «Хронике» А. де Монстреле, позволяет понять, в чем заключается разница. Т. де Серизи лишь единожды назвал «преступлением» (« crime ») то, что произошло на улице Вьей-дю-Тампль 23 ноября 1407 года, когда был убит Людовик Орлеанский. В остальных случаях использовались термины «предательские человекоубийства» (« les traistres homicides »), «ужасное человекоубийство» (« cruel homicide »), «човекоубийство» (« homicide »), неоднократно — «грех» (« péché ») [Monstrelet, 1857, pp. 272, 273, 291, 292, 293, 308, 309, 312, 335], и чаще всего — « maléfice » [Ibid., pp. 290, 292, 295, 304, 309, 311].

Последний термин требует к себе особенного внимания, прежде всего в силу многократности его употребления Т. де Серизи. В Средневековье слово “maleficium” использовалось в сочетании с термином “sorcerius”, и оба квалифицировались как преступление (см.: [Gorzolla, 2019, S. 34, 35, 41]). При этом “maleficium” могло означать простое злодеяние, но зачастую служило синонимом к слову «магия» (см.: [Ibid., S. 39, 41]). В свою очередь слово «магия» понималось достаточно широко

ко, включая в себя многочисленные суеверия, сохранившиеся с языческих времен обряды и обычаи сельских жителей, обыденное толкование примет, использование мирянами молитв и таинств вне богослужений, приготовление целебных и приворотных зелий, ядов, объяснение снов, поклонение идолам, а также иные мистические практики (см.: [Gorzolla, 2019, S. 31, 39]).

Примечательно, что термины, связанные с магией, присутствуют среди обвинений, выдвинутых против герцога Людовика Орлеанского защитником Жана Бесстрашного Ж. Пти. По его словам, одной из причин для убийства брата Карла VI стало подозрение в занятиях колдовством (« *pour raison des maléfices* »). Ж. Пти утверждал, что Людовик Орлеанский пытался устранить короля и дофина, и его действия квалифицировались как « *sorceries, maléfices et suggestions* » (колдовство, ведовство и внушение) [Monstrelet, 1857, pp. 305, 320]. По мнению Ж. Веенестра, аббат де Серизи вполне допускал, что Людовик Орлеанский действительно прибегал к услугам колдунов (см.: [Veenestra, 1998, p. 62]), и не пытался оправдать его за это. По словам П. Дурье, инкриминируемая некоторым политическим деятелям связь с нечистой силой свидетельствует о том, что в сознании людей того времени таковая не противоречила обыденным представлениям (см.: [Durrieu, 1887, p. 210]).

Как показало исследование Ж. Веронезе, маги и прорицатели были вовлечены в политические дела, но их род занятий в представлении людей конца XIV — первой половины XV веков, как простых, так и образованных, прочно ассоциировался с дьяволом. По этой причине Ж. Пти одним из способов дискредитации Людовика Орлеанского и памяти о нем избрал обвинение убитого герцога в тесном общении с разного рода колдунами для реализации политических целей. Для враждовавших между собой политических группировок вопрос о том, на чьей стороне дьявол, не был праздным. Обвинение в связях с нечистой силой позволяло не только дискредитировать противника, но и укрепить претензии обвинителя на власть (см.: [Veronese, 2001, pp. 43, 116]).

Защищая память Людовика Орлеанского, аббат Т. де Серизи действовал в рамках этих представлений и со своей стороны также старался обвинить своего оппонента, Жана Бесстрашного, в общении с нечистой силой. Поэтому ссылка на признание герцогом Бургундии своих отношений с дьяволом, сделанное в присутствии герцогов Анжуйского и Беррийского, играла ключевую роль: она служила оправданием для Людовика Орлеанского и реабилитировала память о нем.

Следует признать, что для Жана Бесстрашного признание в связи с дьяволом в любом контексте стало ошибкой, и этим он невольно предоставил своим противникам важный пропагандистский козырь. За герцогом Бургундии уже тянулся шлейф подозрений в отношениях с нечистой силой. Начало им было положено неудачной для крестоносцев битвой при Никополе в 1396 году (см.: [Durrieu, 1887, pp. 207–209 ; Veronese, 2001, pp. 118–119, 124]), в ходе которой граф Жан де Невер (будущий герцог Бургундии) попал в плен к туркам. В отличие от многих своих соратников он был отпущен на свободу якобы по совету некроманта по имени Нигромансьен (Nigromancien), который пообещал, что Ж. де Невер убьет больше христиан, если останется жив (см.: [Histoire de Charles VI ... , 1875, p. 399]). В библиотеке Мадрида хранится гороскоп Жана Бесстрашного, обнаруженный бароном Ж.-Б.-М.-К. Кервином де Леттенхове. Его составитель, турок Алофресин (Alofresin), крещенный на Родосе, сообщал, что жизнь графа Ж. де Невера была спасена благодаря Эсколганту (Escolgant), астроному султана Баязета (см.: [Durrieu, 1887, p. 209]).

В последующее время слухи о связях Жана Бесстрашного с нечистой силой поддерживались проорлеанистской пропагандой. Одним из ее проявлений стал анонимный трактат, в котором говорилось, что герцог Бургундии заключил пакт с «Люцифером, императором Ахерона, королем Ада, герцогом Эреба и Хаоса, князем Тьмы, маркизом Плутона, графом Геенны и др.» (см.: [Durrieu, 1887, pp. 203–205]). Эти так называемые «дьявольские послания» получили хождение во Франции с середины XIV и до начала XV веков в форме рукописных копий. Впрочем, преимущественно они предназначались для духовенства и были связаны с необходимостью преодоления церковного раскола (см.: [Ibid., pp. 219–220]). Анонимное послание с обвинениями в адрес Жана Бесстрашного, очевидно, основывалось на этой традиции и подпитывалось подозрениями, что люди из окружения герцога Бургундии занимались колдовством и магией.

Сказанное позволяет сделать вывод, что, по мнению аббата Т. де Серизи, ответственность Жана Бесстрашного — его грех (« *péché* ») — состоит в связи с дьяволом, который и помог ему устранить соперника, Людовика Орлеанского. Жан Бесстрашный не скрывал, что желал смерти герцога (см.: [Monstrelet, 1857, p. 310]). Аббат не смог указать на конкретных

исполнителей, поскольку следствие, проведенное прево Парижа Гийомом де Тиньонвилем 23–25 ноября 1407 года, их не установило. Поэтому он считал, что брат короля был убит не живыми людьми, а нечистой силой, призванной колдунами и магами от лица Жана Бесстрашного. Именно в этом заключалось раскаяние герцога Бургундии в присутствии герцогов Анжуйского и Беррийского.

Примечательно, что аббат Т. де Серизи не использовал еще один аргумент в пользу виновности Жана Бесстрашного, встречающийся у некоторых хронистов. Согласно их описаниям во время похорон из ран на теле Людовика Орлеанского вновь пошла кровь. Пьер де Фенен вспоминал, как «кровь текла по гробу на виду у всех, о чем был большой ропот [*“ grand murmure ”*» среди пришедших на похороны (см.: [Mémoires de Pierre de Fenin ... , 1837, p. 3]). Об истекающем кровью трупе также писали Жан Жувеналь дез Урсен (см.: [Histoire de Charles VI ... , 1875, p. 437]) и Жан Ставло; второй хронист отмечал, что этот феномен укрепил мнение многих очевидцев о виновности герцога Бургундского (см.: [Chronique de Jean de Stavelot, 1861, p. 127]): по представлениям того времени подобное кровотечение указывало на то, что поблизости находится убийца. Впрочем, М. Валле де Виривиль полагал, что подозрение пало на всех принцев, находившихся рядом с телом, а не на кого-то конкретного (см.: [Vallet de Viriville, 1859, p. 238]).

Итак, единственными свидетелями признания Жана Бесстрашного в своих грехах стали герцоги Людовик Анжуйский и Жан Беррийский. Из них последний представляется наиболее вероятным претендентом в качестве первоисточника сведений. Так, в принадлежавшем ему Нельском отеле состоялось формальное примирение Людовика Орлеанского и Жана Бесстрашного 20 ноября 1407 года (см.: [Favyn, 1620, pp. 730–731; Histoire de Charles VI ... , 1875, p. 437]), он присутствовал на собрании Королевского совета 11 сентября 1408 года во время произнесения речи аббатом Т. де Серизи (см.: [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, p. 91; Monstrelet, 1857, p. 269]) и в дальнейшем стал одним из лидеров орлеанистов в их противостоянии Жану Бесстрашному. По сравнению с ним герцог Людовик Анжуйский в борьбе против Жана Бесстрашного играл второстепенную роль.

Крайне маловероятно, что Жан Беррийский лично рассказал М. Пинтуэну о словах Жана Бесстрашного. Также следует исключить и выступление Т. де Серизи, поскольку хронист привел его в сокращенном и с искаженным виде, дополнив словами, которые отсутствовали в оригинале. По этой причине в поисках аналогичных сюжетов разумно обратиться к документам, близким по датам к 1410–1412 году. В качестве опоры в определении источника будет служить сама фраза «à l’instigation du diable».

Летом 1411 года, примерно в то же время, когда М. Пинтуэн приступил к составлению своей «Хроники», герцог Карл Орлеанский и его братья, объединившись с родственниками, вассалами и союзниками, разослали несколько писем с разъяснениями своих действий против Жана Бесстрашного. Адресатами стали король Карл VI (письма от 9, 14 и 24 июля) и Парижский университет (письмо от 14 июля). В каждом из них упоминалось признание в убийстве Людовика Орлеанского, совершенное Жаном Бесстрашным под влиянием дьявола.

В письме от 9 июля признание звучит следующим образом: «сказал, что дьявол искушал и соблазнял его» (« dist que le dyable l’avoit tempté et surprins ») [Monstrelet, 1858, p. 129]; почти те же слова повторяются в письме от 24 июля: « dit que le Diable l’avoit tenté & surprise » (см.: [Histoire générale et particulière de Bourgogne, 1748, p. CCLXXIX]). А вот в послании от 14 июля то же выражение представлено несколько иначе: «он совершил убийство по наущению дьявола» (« c’était lui qui avait commis le meurtre à l’instigation du diable ») (см.: [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, p. 423]).

Эта фраза в наибольшей степени в сравнении с другими совпадает с соответствующим текстом сочинения М. Пинтуэна, посвященного событиям 1407 года: « qu’il l’avoit fait commettre par des mains étrangères, à l’instigation du diable ». С большой долей уверенности можно утверждать, что для хрониста источником сведений послужило именно письмо от 14 июля 1411 года, и он процитировал его полностью (см.: [Chronique du religieux de Saint-Denys ... , 1842, pp. 419–435]). Как известно, одним из главных союзников авторов этого послания был герцог Жан Беррийский, свидетель признания Жана Бесстрашного (см.: [Ibid., p. 429]). И он «из всех принцев цветка лилии был самым искусным в искусстве речи» и «своим авторитетом оказал большое влияние на мнение других» (см.: [Ibid., p. 319]).

Наконец, можно ли считать сказанное Жаном Бесстрашным в присутствии двух человек истинным признанием? По версии А. де Монстреле, на совете находился прево Парижа (см.: [Monstrelet, 1857, p. 162]) — лицо, уполномоченное вести следствие по факту убийства Людовика Орлеанского, однако признание было сделано в его отсутствие и частным образом. Так, слова герцога Бургундии слышали всего двое — Людовик Анжуйский и Жан Беррийский, не оповестившие об этом прево и надолго сохранившие информацию втайне от светского правосудия, которому пришлось довольствоваться слухами (см.: [Journal de Nicolas de Baye ... , 1885, p. 208]). О том, что Жан Бесстрашный признал свою ответственность, стало известно, в лучшем случае, с их слов и через посредников.

Сам же герцог Бургундии не считал сказанное им признанием в совершении преступления. Впоследствии он отрицал, что имел какое-либо отношение к смерти Людовика Орлеанского, хотя политические противники настойчиво, но тщетно добивались его осуждения. В хронике Жана Жувенала дез Урсена повествуется, как некто по имени Жувеналь де Трайнель несколько раз приходил к герцогу Бургундскому в его отель «Артуа». В ходе бесед Ж. де Трайнель склонял герцога Бургундии признаться в том, что именно он отдал приказ убить Людовика Орлеанского, но тот отказался и заявил, что «никогда не признается» (« qu'il ne le connesseroit jamais ») (см.: [Histoire de Charles VI ... , 1875, pp. 476–477]).

Так же считал и король Карл VI. Уже 9 марта 1408 года он выдал Жану Бесстрашному письмо с официальным прощением, скрепленное печатью (см.: [Bernier, 1682, pp. XXXI–XXXIII]). Решение короля было еще раз подтверждено через год (см.: [Lettres de grâce & d'abolition ... , 1748, pp. CCLVI–CCLVII]), 9 марта 1409 года, во время примирения сторонников Орлеанского и Бургундского домов.

Заключение

Можно признать, что источником сведений о признании Жаном Бесстрашным своей вины для М. Питнуэна стало письмо от 14 июля 1411 года, адресованное королю Карлу VI сыновьями покойного герцога Людовика Орлеанского. Вместе с тем характер сказанного герцогом Бургундии не позволяет однозначно утверждать, что он имел в виду свое соучастие в подготовке убийства. Вполне возможно, что Жан Бесстрашный признался только в своем желании смерти брату короля, но не чувствовал своей вины в самом преступлении. Этим объясняется дарованное ему королем Карлом VI прощение и отказ от официального признания вины в дальнейшем.

Список источников

1. Орленко О. Е. Война арманьяков и бургиньонов в освещении французских хронистов // Новый исторический вестник. — 2007. — № 1 (15). — С. 82–93.
2. Barner G. Jacques Du Clercq und seine Mémoires. Ein Sittengemälde des 15. Jahrhunderts. — Düsseldorf: Druckerei Albers, 1989. — 259 S.
3. Bernier J. Lettres patentes touchant l'assassinat commis en la personne du Duc d'Orléans // Histoire de Blois, contenant les Antiquitez et Singularitez du Comté de Blois. — P. : Chez François Muguet, 1682. — Pp. XXXI–XXXIII.
4. Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI / publ. par L. Douët-d'Arcq. — P. : Chez Jules Renouard, 1863. — T. I. — 462 p.
5. Chronique de Jean de Stavelot / publ. par Ad. Borgnet. — Bruxelles : M. Hayes, 1861. — 664 p.
6. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. — P. : De l'imprimerie de chapelet, 1839–1852. — T. III. — 1841. — 775 p. ; T. IV. — 1842. — 781 p. ; T. V. — 1844. — 768 p.
7. Chroniques de Perceval de Cagny / publ. par H. Moranvillé. — P. : Libraire Renouard, 1902. — 288 p.
8. Doutrepont G. La littérature française à la cour des Ducs de Bourgogne. — P. : Libraire spéciale pour l'histoire de France, 1909. — 544 p.
9. Durrieu P. Jean sans Peur, duc de Bourgogne, lieutenant et procureur general du Diable ès parties d'Occident // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. — 1887. — T. XXIV, pt. 2. — Pp. 193–224.
10. Favyn A. Le théâtre d'honneur et de chevalerie, ou L'histoire des ordres militaires des roys et princes de la Chrestienté. — P. : Chez Robert Foüet, 1620. — T. I. — 915 p.
11. Gorzolla P. Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. — Münster : LIT Verlag, 2019. — 499 S.

12. Grévy-Pons N., Ornato E. Qui est l'auteur de la Chronique latine de Charles VI, dite du Religieux de Saint-Denys? // *Bibliothèque de l'école des chartes*. — 1976. — T. 134, livr. 1. — Pp. 85–102.
13. Gruel G. Chronique d'Artur de Richemont, connétable de France, duc de Bretagne (1393–1458). — P. : Librairie Renouard, 1890. — 313 p.
14. Guenée B. Documents insérés et documents abrégés dans la Chronique du Religieux de Saint-Denys // *Bibliothèque de l'école des chartes*. — 1994. — T. 152, livr. 2. — Pp. 375–428.
15. Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // *Choix de chroniques et mémoires relatifs à l'histoire de France* / par J.-A.-C. Buchon. — Orléans : H. Herluison, 1875. — T. IV. — Pp. 323–573.
16. Histoire générale et particulière de Bourgogne / par Dom Plancher. — Dijon : Chez Antoine de Fay, 1748. — T. III. — 596 p.
17. Hutchison E. J. The Politics of Grief in the Outbreak of Civil War in France, 1407–1413 // *Speculum*. — 2016. — № 2 (91). — Pp. 422–452.
18. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1407 / publ. par A. Tuetey. — P. : Librairie Renouard, 1885. — T. I. — 350 p.
19. Lettres de grâce & d'abolition de Sa Majesté, en faveur du Duc Jean, a l'occasion du meurtre commis en la perjonne de Loiiis Duc d'Orléans // *Histoire générale et particulière de Bourgogne* / par Dom Plancher. — Dijon : Chez Antoine de Fay, 1748. — T. III. — Pp. CCLVI–CCLVIII.
20. Mémoires de Pierre de Fenin, comprenant le récit des événement qui se sont passés en France et en Bourgogne sous les règnes de Charles VI et Charles VII (1407–1427) / par m. Dupont. — P. : Chez Jules Renouard, 1837. — 366 p.
21. Molinier A. Les sources de l'histoire de France. Des origins aux guerres d'Italie (1494). — NY : Burt Franklin, 1851–1904. — Vol. IV : Les Valois, 1328–1461. — 1901. — 354 p.
22. Monstrelet E. de. Chronique en deux livres. 1400–1444 / par L. Douët-d'Arcq. — Paris : Jules Renouard, 1857–1858. — T. I. — 1857. — 416 p. ; T. II. — 1858. — 478 p.
23. Vallet de Viriville M. Assassinat du duc d'Orléans par Jean sans Peur, duc de Bourgogne // *Le magasin de librairie littérature, histoire, philosophie, voyages, poésie*. — 1859. — T. 7. — Pp. 241–282.
24. Veenestra J. R. Magic and Divination at the Courts of Burgundy and France. Text and Context of Laurens Pignon's *Contre les devineurs* (1411). — Leiden ; NY ; Koln : Brill, 1998. — 433 p.
25. Veronese J. Jean sans Peur et la « foie secte » des devins: enjeux et circonstances de la rédaction du traité *Contre les devineurs* (1411) de Laurent Pignon // *Médiévales*. — 2001. — № 40. — Pp. 113–132.

References

1. Orlenko O. E. The War of the Armagnacs and the Bourguignons in the coverage of French chroniclers. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Messenger]. 2007, iss. 1 (15), pp. 82–93. (In Russian).
2. Barner G. *Jacques Du Clercq und seine Mémoires. Ein Sittengemälde des 15. Jahrhunderts*. Düsseldorf, Druckerei Albers, 1989, 259 S. (In German).
3. Bernier J. Lettres patentes touchant l'assassinat commis en la personne du Duc d'Orléans. *Histoire de Blois, contenant les Antiquitez et Singularitez du Comté de Blois*. P., Chez François Muguet, 1682, pp. XXXI–XXXIII. (In French).
4. *Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI*. Publ. par L. Douët-d'Arcq. P., Chez Jules Renouard, 1863, vol. I, 462 p. (In French).
5. *Chronique de Jean de Stavelot*. Publ. par Ad. Borgnet. Bruxelles, M. Hayes, 1861, 664 p. (In French).
6. *Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*. Publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. P., De l'imprimerie de chapelet, 1839–1852, vol. III, 1841, 775 p.; vol. IV, 1842, 781 p.; vol. V, 1844, 768 p. (In French).
7. *Chroniques de Perceval de Cagny*. Publ. par H. Moranvillé. P., Librairie Renouard, 1902, 288 p. (In French).
8. Doutrepoint G. *La littérature française a la cour des Ducs de Bourgogne*. P., Librairie spéciale pour l'histoire de France, 1909, 544 p. (In French).
9. Durrieu P. Jean sans Peur, duc de Bourgogne, lieutenant et procureur general du Diable ès parties d'Occident. *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France*. 1887, vol. XXIV, pt. 2, pp. 193–224. (In French).
10. Favyn A. *Le théâtre d'honneur et de chevalerie, ou L'histoire des ordres militaires des roys et princes de la Chrestienté*. P., Chez Robert Foüet, 1620, vol. I, 915 p. (In French).
11. Gorzolla P. *Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI*. Münster, LIT Verlag, 2019, 499 S. (In German).
12. Grévy-Pons N., Ornato E. Qui est l'auteur de la Chronique latine de Charles VI, dite du Religieux de Saint-Denys? *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1976, vol. 134, livr. 1, pp. 85–102. (In French).

13. Gruel G. *Chronique d'Artur de Richemont, connétable de France, duc de Bretagne (1393–1458)*. P., Librairie Renouard, 1890, 313 p. (In French).
14. Guenée B. Documents insérés et documents abrégés dans la Chronique du Religieux de Saint-Denys. *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1994, vol. 152, livr. 2, pp. 375–428. (In French).
15. *Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins. Choix de chroniques et mémoires relatifs a l'histoire de France par J.-A.-C. Buchon*. Orléans, H. Herluison, 1875, vol. IV, pp. 323–573. (In French).
16. *Histoire générale et particulière de Bourgogne*. Par Dom Plancher. Dijon, Chez Antoine de Fay, 1748, vol. III, 596 p. (In French).
17. Hutchison E. J. The Politics of Grief in the Outbreak of Civil War in France, 1407–1413. *Speculum*. 2016, iss. 2 (91), pp. 422–452.
18. *Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1407*. Publ. par A. Tuetey. P., Librairie Renouard, 1885, vol. I, 350 p. (In French).
19. Lettres de grâce & d'abolition de Sa Majesté, en faveur du Duc Jean, a l'occasion du meurtre commis en la perjonne de Loiiis Duc d'Orléans. *Histoire générale et particulière de Bourgogne*. Par Dom Plancher. Dijon, Chez Antoine de Fay, 1748, vol. III, pp. CCLVI–CCLVIII. (In French).
20. *Mémoires de Pierre de Fenin, comprenant le récit des événement qui se sont passés en France et en Bourgogne sous les règnes de Charles VI et Charles VII (1407–1427)*. Par m. Dupont. P., Chez Jules Renouard, 1837, 366 p. (In French).
21. Molinier A. *Les sources de l'histoire de France. Des origins aux guerres d'Italie (1494)*. NY, Burt Franklin, 1851–1904, vol. IV: Les Valois, 1328–1461, 1901, 354 p. (In French).
22. Monstrelet E. de. *Chronique en deux livres. 1400–1444*. Par L. Douët-d'Arcq. P., Jules Renouard, 1857–1858, vol. I, 1857, 416 p.; vol. II, 1858, 478 p. (In French).
23. Vallet de Viriville M. Assassinat du duc d'Orléans par Jean sans Peur, duc de Bourgogne. *Le magasin de librairie littérature, histoire, philosophie, voyages, poésie*. 1859, vol. 7, pp. 241–282. (In French).
24. Veenestra J. R. *Magic and Divination at the Courts of Burgundy and France. Text and Context of Laurens Pignon's Contre les devineurs (1411)*. Leiden, NY, Koln, Brill, 1998, 433 p.
25. Veronese J. Jean sans Peur et la “foie secte” des devins: enjeux et circonstances de la rédaction du traité Contre les devineurs (1411) de Laurent Pignon. *Médiévales*. 2001, iss. 40, pp. 113–132. (In French).

Информация об авторе

Нуждин Олег Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Сфера научных интересов: история Франции и Англии в Средние века, история Столетней войны, внутренняя и внешняя политика Франции в Средневековье.

Information about the author

Nuzhdin Oleg Igorevich — candidate of history, associate professor of the Department of Social and Cultural Services and Tourism of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Research interests: history of France and England in the Middle Ages, history of the Hundred Years' War, domestic and foreign policy of France in the Middle Ages.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; принята к публикации 17.09.2024.
The article was submitted 17.04.2024; accepted for publication 17.09.2024.